

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ О ПАЦИЕНТКЕ, КОТОРАЯ РАЗОЧАРОВАЛА СВОЕГО ДОКТОРА

Дар Хильды Уайд был настолько уникален, настолько необычен, что я считаю необходимым показать его в действии прежде, чем попытаюсь его описать. Но сперва позвольте мне сказать несколько слов о Мастере.

Ни один человек не производил на меня такого впечатления величия, как профессор Себастьян. И дело было даже не в его научных успехах: его сила духа и пронизательность поражали меня столь же сильно, как и огромные достижения. Когда он появился в клинике Св. Натаниэля, уже немолодой, но по-юношески страстный адепт физиологии с горящими глазами, и начал проповедовать — десятки молодых сотрудников, наэлектризованные влиянием яркой личности профессора, заразились его энтузиазмом и уверовали, что ни одно дело на земле не сравнится с работой в его лаборатории, с посещением его лекций, с изучением болезней и с положением врача-исследователя. Он возвестил

евангелие от микроба, и микроб его собственного увлечения разлетелся по клинике, заражая всех подряд не хуже тифозной лихорадки. Не прошло и нескольких месяцев, как половина студентов-практикантов превратилась из вялых наблюдателей лечебной рутин в пламенных апостолов новых методик.

Будучи величайшим авторитетом Европы в области сравнительной анатомии после того, как Гексли¹ оставил сей мир, свои зрелые годы он посвятил практической медицине и привнес в нее то богатство знаменательных аналогий, которое накопил при изучении низших животных. Даже его внешний вид навевал такую аналогию. Высокий, худой, прямой, с аскетическим профилем, напоминающим кардинала Маннинга², он представлял собою тот отвлеченный тип аскетизма, который выражается в полном самопожертвовании во имя возвышенных идей, а не в религиозном самоотречении. Три года странствий по Африке навсегда выдубили его кожу. Его белоснежные волосы, длинные и прямые, ложились серебристой волной на сутулые плечи. Бледное лицо было чисто выбрито, за исключением тонких жестких усов, подчеркивавших его резкие, четкие, интеллектуальные черты; из глубоких глазниц глядели по-ястребиному острые глаза. В некоторых отношениях внешность профессора часто напоминала мне о докторе Марти-

¹ Знаменитый анатом и эволюционист Томас Гексли (Хаксли), 1825—1895.

² Генри Эдуард Маннинг (1808—1892) — крупный церковный и политический деятель. Его аскетическая внешность примерно соответствует описанному далее облику профессора Себастьяна.

но¹; в других — непреклонный и твердый, как стальной клинок, характер его великого предшественника, профессора Оуэна². Где бы он ни появлялся, люди оборачивались, чтобы еще раз взглянуть на него. В Париже его приняли за предводителя английских социалистов; в России объявили эмиссаром нигилизма. И эти мнения, по сути, не были далеки от истины, ибо жесткое, сухое лицо Себастьяна было прежде всего лицом человека, поглощенного и захваченного неукротимой страстью — священной жаждой знаний, пропитавшей всю его жизнь и натуру.

Он не только выглядел — он и *был* оригинальнейшей личностью из всех, кого я знал. Говоря «оригинальнейшей», я имею в виду прямой смысл этого слова и ничего более. У него была Цель — прогресс науки, и он шел прямо к этой Цели, не замечая никого по сторонам, ни справа, ни слева. Один американский миллионер заметил ему как-то по поводу некоего хитроумного приспособления, которое тот описывал: «Знаете, профессор, а ведь если бы вы усовершенствовали эту штуку и оформили на нее патент, то сделали бы не меньше денег, чем я!» Себастьян обжег его взглядом и ответил: «Я не могу тратить время на зарабатывание денег!»

¹ Персонаж приключенческого романа «Следопыт», принадлежащего перу популярного французского писателя Густава Эмара. Это сравнение подчеркивает буквально мальчишескую увлеченность рассказчика (в конце XIX в. Г. Эмар уже считался автором скорее для подростков) и вместе с тем исподволь готовит читателя к дальнейшим событиям: доктор Мартино — «врач-путешественник», его деятельность проходит на окраине цивилизации, среди землепроходцев и дикарей.

² Ричард Оуэн (1804—1892) — прославленный зоолог и палеонтолог, один из крупнейших специалистов по анатомии.

И вот, когда в день нашей первой встречи Хильда Уайд сказала мне, что мечтает стать медсестрой в Натаниэлевской клинике, «чтобы находиться рядом с Себастьяном», я ничуть не удивился. Я принял ее слова за чистую монету. Всякий, даже самый скромный труженик в области медицины желал оказаться поближе к нашему неповторимому учителю — черпать из обширной сокровищницы его мысли, пользоваться его прозорливостью, его богатым опытом. Доктор от Св. Натаниэля произвел революцию во врачебной практике; и те, кто хотел оказаться на переднем крае современности, естественно, стремились присоединиться к нему. Вот почему меня не удивило, что Хильда Уайд, сама обладавшая в высшей степени глубоким женским даром — интуицией — искала место рядом с прославленным профессором, который являл собою мужской вариант той же способности — диагностический инстинкт.

Хильда Уайд в официальном представлении не нуждается: вы близко познакомитесь с нею сами по ходу моего рассказа.

Я был ассистентом Себастьяна, и моя рекомендация вскоре помогла Хильде получить ту должность, к которой она стремилась с таким необыкновенным упорством. Однако вскоре после ее появления в клинике Св. Натаниэля я начал замечать, что причины, побудившие ее сотрудничать с нашим почитаемым Учителем, отнюдь не были вполне и единственно научными. Правда, Себастьян с самого начала оценил ее способности как медсестры; он не только признал, что она хорошо ассистирует, но допускал, что ее тонкое чутье касательно темпераментов порой позволяло ей близко подойти к той же цели, к которой он шел путем рационального научного анализа — к определению сути того или иного случая и прогнозу его развития.

«В большинстве своем женщины легко считывают *мимолетную эмоцию*, — сказал он мне однажды. — С потрясающей точностью они, судя по тени, пробежавшей по лицу человека, по учащению дыхания, по движению рук, могут определить, как влияют на нас их слова или поступки. Мы не способны скрыть от них свои чувства. Но характеры, лежащие в глубине и определяющие эти самые эмоции, они улавливают намного хуже. Они видят не то, что *представляет* собой некая миссис Джонс, а то, что она миссис Джонс сейчас чувствует и думает — на этом зиждется их великий успех в качестве психологов. А мужчины, напротив, как правило, руководствуются в жизни определенными *фактами* — признаками, симптомами, результатами наблюдений. Собственно, медицина и строится на фундаменте таких рационально осмысленных фактов. Но эта женщина, сестра Уайд, до некоторой степени находится, по своим умственным способностям, между обоими полами. Она распознает *темперамент*, фиксированную форму характера, и определяет, каких следует ожидать поступков с несравненной точностью, — ничего подобного я в жизни не встречал. Вот в этой степени и в пределах, предписываемых субординацией, я признаю, что она является ценным сотрудником для врача-исследователя».

И все же, несмотря на то что Себастьян с самого начала проявил благосклонность к Хильде Уайд — а хорошенькая девушка вызывает благосклонность у большинства из нас — я отчетливо видел, что Хильда, в отличие от остального персонала, отнюдь не испытывала безграничного восторга от общения с Себастьяном.

«Он чрезвычайно талантлив», — так отзывалась она, когда я в избытке чувств разглагольствовал об Учителе; более высокой похвалы я от нее так и не дождался.